

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА



ОЛИВЕР ПЁТЧ

Доцъ Палаца
и Вегбмак



ЭКСМО
МОСКВА

2015

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
ПЗ1

Oliver Pötzsch
DER HEXER UND DIE HENKERSTOCHTER

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.
Published in 2012 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Оформление серии А. Сауков

Иллюстрация на переплете и суперобложке В. Аникина

Пётч, Оливер.

ПЗ1 Дочь палача и ведьмак / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. – Москва : Эксмо, 2015. – 576 с. – (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-77945-1

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Летом 1666 года Магдалена, дочь палача из Шонгау, и ее муж Симон Фронвизер прибыли в знаменитый баварский монастырь Андекса – возблагодарить Господа за чудесное исцеление своих маленьких детей. В это же время в монастыре одно за другим начались странные убийства. Настолько странные, что монахи принялись шептаться: в округе завелся ведьмак! Все улики неопровержимо указали на брата Йоханнеса, аптекаря монастыря. Его схватили и передали в руки местного палача, который под пытками должен вырвать признание у несчастного. Случайно узнав, что в монастыре находится дочь Куизля, Йоханнес передал ей свою просьбу – во чтобы то ни стало известить шонгауского палача, его старого друга. Уж тот-то обязательно спасет невиновного – и жестоко покарает настоящего ведьмака...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77945-1

*Посвящается
Мариану, Вольфгангу, Мартину,
Виту, Мики и всем остальным*

Лицо скрыто под капюшоном,
и меч занесен для удара...





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Паломники из Шонгау:

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – дочь палача

Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау

Карл Земер – первый бургомистр Шонгау

Себастьян Земер – сын первого бургомистра

Якоб Шреефогль – гончар и член городского совета

Бальтазар Гемерле – плотник из Альтенштадта

Конрад Вебер – городской священник

Андре Лош, Лукас Мюллер, Ганс и Йозеф

Тванглер – подмастерья каменщика

Прочие жители Шонгау:

Якоб Куизль – палач Шонгау

Анна-Мария Куизль – жена палача

Георг и Барбара – близнецы, дети Куизля

Петер и Пауль – дети Симона и Магдалены Фронвизер

Марта Штехлин – знахарка

Братья Бертхольды: Ганс, Йозеф и Бенедикт


Иоганн Лехнер – судебный секретарь

Монастырь Андекса:

Маурус Рамбек – настоятель монастыря

Брат Иеремия – приор

Брат Экхарт – келарь



Брат Лаврентий – наставник послушников
Брат Бенедикт – кантор и библиотекарь
Брат Виргилиус – часовщик
Виталис – послушник и подручный часовщика
Брат Йоханнес – аптекарь
Келестин – послушник и подручный аптекаря

А также:

Михаэль Грец – живодер из Эрлинга
Маттиас – подмастерье живодера
Граф Леопольд фон Вартенберг – посланник
Виттельсбахов
Граф фон Чезана и Колле – земельный судья
Вайльхайма
Мастер Ганс – палач из Вайльхайма





ПРОЛОГ

*Эрлинг близ Андекса,
вечер 12 июня 1666 года
от Рождества Христова*

Небо затягивали темные тучи, и послушник Келестин, смачно выругавшись, зашагал навстречу собственной смерти.

На востоке, по ту сторону озера Аммерзее, громадным чудищем вихрились черные клубы, сверкали первые молнии и доносились отдаленные раскаты грома. Келестин прищурился и над монастырем Дисена в пяти милях сумел уже разглядеть серую дождевую завесу. Пройдет всего несколько минут, и непогода разразится над Святой горой; и в это именно время послушнику предстояло выловить из монастырского пруда карпа на ужин для жирного аптекаря. Келестин выругался в очередной раз и натянул на лицо капюшон черной рясы. Что ему оставалось делать? Послушание было одним из трех обетов монахов-бенедиктинцев, а брат Йоханнес являлся его наставником. Временами вспыльчивый, зачастую загадочный, а главное, прожорливый монах – но, несмотря на все это, его наставник.

*Porca miseria!*¹

¹ Черт возьми! (*um.*)

Как это часто бывало, в плохом настроении Келестин переходил на язык своих родителей. Он вырос в итальянской горной деревушке по ту сторону Альп, но безумия войны сделали его отца солдатом, а маму – маркитанткой и шлюхой. Здесь, в монастыре на Святой горе, Келестин нашел приют при монастырской аптеке, и хотя бесконечные литании и ночные молитвы временами выводили его из себя, он чувствовал себя в безопасности. Он ел досыта три раза в день, спал в тепле и комфорте, а андексское пиво считалось одним из лучших во всем баварском княжестве. В эти трудные времена могло быть гораздо хуже. И все же тощий, низкого роста послушник ругался себе под нос; и дело было не только в том, что в скором времени он станет мокрым, точно карпы в пруду Эрлинга.

Келестин боялся.

С тех пор как три дня назад он сделал это открытие, страх терзал его, словно мелкое злобное существо. Вид был столь ужасающим, что кровь стыла в жилах. Он до сих пор преследовал его в кошмарах, и послушник просыпался с криком и залитый потом. Подобное кощунство Господь не оставит безнаказанным, это уж точно. Темные тучи и молнии казались Келестину предвестниками ветхозаветного возмездия, которое в скором времени постигнет монастырь.

Но еще ужаснее был исполненный ненависти взгляд того человека. Он узнал Келестина, пока тот не убежал сломя голову – по крайней мере, послушник так думал. Взгляды застигнутого врасплох говорили больше тысячи слов. В последние дни они ощупывали его, точно проверяли, проболтается Келестин или нет.

Келестин знал, что у этого человека имелись могущественные заступники. Поверят ли ему, простому по-

слушнику? Обвинение было столь ужасным, что его за- просто могли счесть сумасшедшим. Или, что еще хуже, он прослыл бы клеветником, и тогда приятной жизни с мясом, пивом и теплой сухой постелью, вероятно, на- стал бы конец.

И несмотря на это, Келестин решил говорить. Зав- тра же он обратится к совету, и совесть его наконец-то очистится.

Громовой раскат разорвал тишину, и озябший по- слушник почувствовал на лице первые капли дождя. Он подтянул капюшон и прибавил шаг. В скором вре- мени последние дома Эрлинга остались за спиной, и впереди раскинулись поля и пастбища. За небольшим перелеском, окруженный оградой и кустарником, рас- полагался пруд с карпами. Обернувшись, Келестин взглянул на монастырь, что стоял на горе, окружен- ный темными тучами, – его дом, который придется, на- верное, вскоре покинуть. Вздохнув, он прошаркал оставшиеся до пруда метры, словно шел на собствен- ную казнь.

Дождь между тем усиливался, и поверхность воды бурлила, точно ядовитый отвар. Келестин взглянул на серых разжиревших карпов, что десятками плавали в пруду. Они разевали голодные рты и глотали дожде- вые капли, словно манна небесная проливалась из туч. Келестин с отвращением поморщился: он никогда не питал любви к карпам. Это тупые и склизкие падаль- щики, а мясо у них отдавало мхом и гнилью. Рыбы эти напоминали ему чудовищ, каких он знал по библейской Книге пророка Ионы. Омерзительные существа, кото- рые поедали все, что бы ни плескалось в воде.

Келестин осторожно шагнул на узкий и скользкий мостик и взялся за сачок, прислоненный к перилам.

Спрятав под капюшоном лицо от дождя и безжалостного ветра, послушник неохотно принялся ворочать сачком в воде. Если поторопиться, то, быть может, он успеет добраться до аптеки прежде, чем штаны и носки под плотным черным плащом промокнули насквозь. В иной жизни Келестин, наверное, отхлестал бы брата Йоханнеса карпом по жирным щекам – но он обречен был на молитвы и послушание. Вот цена, которую приходилось платить за сытую жизнь.

За спиной что-то скрипнуло; гроза почти заглушила звук, но Келестин замер: кто-то шагнул на мостик. Однако не успел послушник оглянуться, как что-то затрепыхалось в сачке. Он облегченно вздохнул и начал подтягивать к себе длинную жердь, бормоча:

– Попался... Посмотрим, что за жирдяй...

В это мгновение что-то тяжелое ударило его по затылку.

Келестин покачнулся, отступил на шаг, затем ноги его разъехались на скользких от дождя досках, и он, вместе с сачком рухнув в конце концов в бурлящую воду, принялся бешено барахтаться, чтобы спасти собственную жизнь. Как многие люди его времени, он умел разделять зайцев, по запаху мог определить сотни трав и повторить наизусть длинейшие выдержки из Библии. Вот только одного не умел Келестин – плавать.

Юный послушник кричал и бился, загребал руками и дрыгал тощими ногами, но собственный вес неумолимо тянул его в глубину. Внезапно Келестин почувствовал илистое дно под ногами, оттолкнулся и, хватая воздух ртом, вынырнул из воды. Он принялся отчаянно хватать руками вокруг себя и вдруг ухватился за рукоятку сачка, плававшего на поверхности. Перехватил

ее покрепче и подтянулся. За плотной дождевой завесой он разглядел на мостике закутанного в плащ человека, который держал второй конец сачка.

– Спасибо! – просипел послушник. – Ты мне жизнь...

В этот миг незнакомец надавил на сачок, так что Келестин погрузился под воду. Когда он снова вынырнул на поверхность, то почувствовал, как его опять с силой давит вниз.

– Но... – начал послушник.

Тут мутная вода заполнила его рот и заглушила последний отчаянный крик. Келестин безмолвно погрузился под воду.

В то время как жизнь искристыми пузырями покидала его тело, послушник чувствовал, как жирные карпы терлись скользкими боками о его щеки и копошились в коротких волосах вокруг тонзуры. Когда умирающий юноша наконец опустился на дно, рот его был распахнут, как у рыбин вокруг, что неподвижными и бесстрастными глазами тарачились на утопленника.

Человек на мостике какое-то время наблюдал еще за бурлящими пузырями. Наконец он удовлетворенно кивнул, поставил сачок на место и зашагал прочь.

Следовало закончить начатое.





1

*В это же время в лесу
у подножия Святой горы*

Молния прорезала небо, точно перст разгневанно-го божества.

Она ударила прямо над Аммерзее, отчего пенистые зеленые волны вспыхнули на долю секунды ядовитым сиянием. С раздавшимся затем громом плотной стеной хлынул ливень, и одежда двадцати с лишним паломников из Шонгау в считанные мгновения промокла насквозь. И хотя время близилось лишь к семи вечера, на путников словно опустилась ночь. Симон Фронвизер крепче сжал руку жены, и вместе с остальными они двинулись вверх по крутому склону, к монастырю Андекса.

– Нам еще повезло! – перекричала Магдалена рев непогоды. – Часом раньше, и буря застала бы нас на озере!

Симон молча кивнул. Лодка с паломниками пошла бы ко дну в волнах Аммерзее далеко не в первый раз. Теперь, по прошествии почти двадцати лет после Большой войны, паломники тянулись к знаменитому баварскому монастырю в таких количествах, каких никто даже припомнить не мог. В это время, раздираемые голодом, непогодой, волчьими стаями и мародер-